

Василей Буслаев молиться ездил

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает,
А плавает-поплавает червлен карабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со ево дружиною хоробраю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Малинькой Потаня на носу стоит,
А Василе-ет по караблю похаживает,
Таковы слова || поговаривает:
«Свет, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте карабль поперек Ильменя,
Приставайте молодцы ко Нову-городу!».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василей
Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василей Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьун, около ее убивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хоробраю,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыни приложитися,

Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василей Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрыя дела,
Тебе дам благословение великое,
То коли ты, дитя, на розбой пойдешь,
И не дам благословение великова,
А и не носи Василья сыра земля!».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материна сер(д)це распушается,
И дает она много свинцу-пороху,
И дает Василью запасы хлебныя,
И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василей, буйну голову свою!».
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут оне уж сутки другия,
А бегут уже неделю другуя,
Встречу им гости-карабельщики:
«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?».
Отвечает Василей Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-карабельщики!
А мое-та ведь гулянье неохотное:
Смолода бита, много граблена,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямова путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-карабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой — полтора года:
На славном море Каспицкием,

На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много не мало их — три тысячи;
Грабят бусы-галеры,
Разбивают червлены карабли».
Говорит тут Василей Буслаевич:
«А не верую я, Васюнька, ни в сон ни в чох,
А и верую в свой червленой вяз.
А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем!».
И завидел Василей гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил-су Василей сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василей в полугоре,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова — человечья кость.
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василей Буславьевич!
Ты к чему меня, голову, побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Умею я, молодец, волятися
А на той горе Сорочинския.
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой!».
Плюнул Василей, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит
Или нечистой дух!».
Пошел на гору высокую,
На самой сопки тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через ево только топор подать,
В далину три аршина с четвертью.
И в том-та подпись || подписана:
«А кто-де станет у камня тешиться,
А и тешиться-забавлятися,

Вдоль скокать по каменю, —
Сломить будет буйну голову».
Василей тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперек тово каменю поскакивати,
А вдоль-та ево не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския,
Сходят оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полóтняны,
Побежали по морю Каспицкому,
На ту на заставу карабельную,
Где-та стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачия.
На пристани их стоят сто человек,
А и молоды Василей на пристань стань,
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-та Буслай на крут бережок,
Червленным вязом попирается,
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много ево не дожидаются,
Побежали с пристани карабельныя
К тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великова,
Это-де идет Василей Буславьевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая!».
Пошагал-та Василей со дружиною,
Где стоят атаманы казачия.
Пришли оне, стали во единой круг,
Тут Василей им поклоняется,
Сам говорит таково слова:
«Вздравствуйте, атаманы казачия!
А скажите вы мне прямова путя
Ко святому граду Иерусалиму».

Говорят атаманы казачия:
«Гой еси, Василей Буслаевич!
Милости тебе просим за единой стол хлеба кушати!».
Втапоры Василей не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтара || ведра,
Принимает Василей единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Собирается Василей Буслаевич
На свой червлен карабль,
Дают ему атаманы казачия подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую — красна золота,
Третью — скатнова земчуга.
За то Василей благодарит и кланеется,
Просит у них до Ерусалима провожатова.
Тут атаманы Василью не отказовали,
Дали ему молодца провожатова,
И сами с ним прощалися.
Собрался Василей на свой червлен корабль
Со своею дружиною хоробраю,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут оне во Ердан-реке,
Бросали якори крепкия,
Сходни бросали на крут бережок.
Походил тут Василей Буслаевич
Со своею дружиною хороброю в Ерусалим-град,
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буславьевича,
И обедню с панафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,

Что смолоду бито, много граблено.
И ко святой святыни приложился он,
И в Ердане-реке искупался,
И расплатился Василей с попами и с дьяконами,
И которыя старцы при церкви живут, —
Дает золотой казны не считаючи,
И походит Василей ко дружине из Ерусалима
На свой червлен карабль.
Втапоры ево дружина хоробрая
Купалися во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаються во Ердан-реке?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича,
Во Ердане-реке крестился
Сам господь Иисус || Христос;
Потерять ево вам будет,
Большова атамана Василья Буславьевича».
И оне говорят таково слово:
«Наш Василей тому не верует,
Ни в сон ни в чох».
И мало время по(и)зойдучи,
Пришел Василей ко дружине своей,
Приказал выводить карабль из ус(т)ья Ердань-реки.
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминскова,
Приходили тут атаманы казачия
И стоят все на пристани карабельныя.
А и выскочил Василей Буслаевич
Из своего червленого кáрабля,
Поклонились ему атаманы казачия:
«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусáлим-град?».
Много Василей не ба́ит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил:
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.
Втапоры атаманы казачия звали Василья обедати,

И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому к Нову-городу.
А и едут неделю спóряду,
А и едут уже другую,
И завидел Василей гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василей со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василей Буслаевич!
К чему меня, голову, попиноваешь
И к чему побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинские.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!».
Плюнул Василей, прочь пошел.
Взашел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатныя,
А через ево только топором подать,
В долину — три аршина с четвертью.
И в том-та подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скакать по каменю, —
Сломить будет || буйну голову».
Василей тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменю поскаковати,
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю —

И не доскочил только четверти
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову-городу.
И будут у Нова-города,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он,
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися все,
Письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечево,
Подите в подвалы глубокия,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиям,
Брали оне казны по малу числу,
Пришли оне к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасиба, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила-кормила,
Обувала и одевала добрых молодцов!».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина,
Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам,
А и выпили оне, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы, кому куды захотелся.

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.:
Наука, 1977.